

## НА СЦЕНЕ

«Литературная газета» начинает обсуждение вопросов драматургии театра, кино и телевидения в связи с предстоящим пленумом правления Союза писателей СССР.

Сегодня эти массовые виды искусства становятся все более важными, их значение в коммунистическом воспитании народа с каждым днем возрастает. Отсюда все большая ответственность писателя, призванного играть решающую роль и в театре, и в кино, и на телевидении.

Что нужно для того, чтобы в нашей драматургии сильно, мощно прозвучали ведущие идеи времени? Чтобы на сцене и экране появился подлинный и многогранный образ героя-современника? Чтобы глубоко и остро были раскрыты сложные процессы действительности?

Какие тенденции в драматургии XX века следует считать плодотворными? Каковы отличительные черты и природа конфликта современной советской и зарубежной драмы?

Редакция надеется, что на страницах газеты возникнет широкий и многосторонний разговор по актуальным проблемам современной драматургии. Мы приглашаем наших читателей — советских и зарубежных, драматургов, критиков, деятелей театра и кино принять в нем участие.

### 1.

**Я** ЗАДУМАЛ пьесу, в которой будет действовать человек, собирающийся полететь в космос. Он живет среди нас, ходит по тротуарам и дугам Земли и не однажды, замедлив шаг, пытается представить себе, как он будет ходить по иной тверди... Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что мой герой в оставшееся для него на Земле время меньше всего думает о мелочах. Или же воспринимает все мелкое, проходящее с улыбкой. Впереди большой риск, и сейчас так много необычайных забот, что само собой отодвигается на третий план все малозначительное. Вероятно, у героя моего будут обострены чувства, мысли, он будет открытнее и проще. И он будет добрым. Очень добрым — к товарищам, к любимой женщине, к цветам и деревьям, даже к вещам. А вот как он будет относиться к подлости? С презрением, с открытой ненавистью или с иронией, сдержанной и мудрой?.. Все это определит сам характер.

Правда ли, что человек скоро полетит в космос? Правда. Правда ли, что хулиганы убили хорошего паренька-комсомольца, вступившего с ними в борьбу? Правда. А правда ли, что по жизни, уже как бы подсвеченной из будущего, еще ходят обиженные на судьбу недоучки, зарвавшиеся анонимщики, хищные чиновники, потрясенные звеном неврастеники? И это правда. Один писатель видит жизнь и ее продолжение, другой — взглянув, устало закрывает глаза. Многие фильмы велико-

го Чаплина кончаются тем, что их герои, что бы с ними ни случилось, уходят по бесконечной дороге, к своей мечте. Фильмы и пьесы некоторых наших так называемых социалистических реалистов так давят на душу, что ни о какой дороге, ни о какой мечте не может быть и речи. Правда, в финале бутафорскими приемами авторы пытаются создать оптимистическую атмосферу, но это уже не спасает подавленного зрителя.

И особенно странно выглядят то обстоятельство, что некоторые литераторы, люди молодые, способные, вероятно, после известной тренировки, отправиться в космос, создают пьесы, после которых нужно отлеживаться, как после вирусного гриппа.

В нашей жизни ежедневно, ежечасно происходят такие события, которые по существу своему оптимистичны. Каждый шаг народа нацелен в будущее. Отсюда — надежды, открывающие советского человека, отсюда его уверенность в завтрашнем дне. Все новые и новые свершения выдвигают имена талантливых изобретателей, ученых, новаторов сельского хозяйства и промышленности. И, конечно же, эти люди, дерзновенные, неутомимые и страстные, борясь за коммунизм, определяют весь ход нашей жизни. Стоит ли нам в драматургии на первый план выдвигать жизненную неурадицу, млякие страсти? Ритмы жизни — упругие, динамичные, а в некоторых пьесах и на сцене — замедленная вялость действия, тусклая атмосфера, усталые герои с опущенными плечами, чем-то напоминающие персонажей с неудавшейся судьбой из некоторых западных фильмов. Как печально видеть это разительное несоответствие между кипучим, постоянно обновляющимся содержанием жизни и тем, в какой форме иногда отображается наша жизнь драматической литературой.

В последнее время появились пьесы, радующие своими поисками в области формы, написанные на современном материале. Хотелось бы прежде всего остановиться на новой пьесе Алексея Арбузова «Иркутская история».

Герои «Иркутской истории» живут драматично, трудятся, любят, строят... Это те люди, которых принято называть у нас простыми людьми, хотя внутренне они далеко не простые. Арбузов подметил черты взаимной поддержки, коммунистического товарищества. Раздумье о жизни личной, о судьбе коллектива и общества в целом владеет умами арбузовских строителей. Кое-кто из них ошибается, но от ошибок трудно застраховаться, особенно в молодости.

Экскаваторщик Сергей Серегин любит легкомысленную девушку Валентину, которую зовут Валька-дешевка. И оттого, что он сам — человек внутренне богатый, оттого, что он щедр душой,

он помогает любимой девушке подняться и в своих собственных глазах, и в глазах окружающих. За что бы ни брался Сергей, он хочет, чтобы все стало лучше, чище, совершеннее. Это — характер творческий. Сергей — романтик. В атмосфере романтической приподнятости живут он сам и его товарищи.

Можем ли мы говорить о таланте того или иного писателя безотносительно к его собственной личности? Думаю, что сейчас, в условиях развернутой борьбы за коммунизм, понятие о таланте, как никогда, тесно связано с представлением о личности художника. Куда ты ведешь читателя, зрителя, какие чувства пробуждаешь в его душе: оптимизм, горячее желание бороться за наши идеалы или же скепсис, уныние? Пусть не поймут меня так, будто я пытаюсь призывать к дешевому бодречеству. В «Иркутской истории» драматична сама атмосфера. Совершив героический поступок в обыденной жизни, гибнет Сергей Серегин. И вместе с тем мы расстаемся с пьесой, твердо веря, что люди, ее населяющие, стали светлее душой, что жизнь продолжается во всем ее кипучем многообразии.

Как это достигается А. Арбузовым? Как это достигается Н. Погодиным в «Третьей патетической», в сценах, где становится известно о смерти Ленина? Там переданы и великая скорбь народа, и вера в конечную победу ленинских идей. Как это достигается? Ведь могла же в этих эпизодах, в финале «Третьей патетической» прозвучать лишь нота глубокой скорби. Почему же прозвучала, возобладав над всем остальным, оптимистическая нота? Почему зритель уходит со спектакля «Иркутская история», полный светлых раздумий? Ведь пьеса кончилась не поцелуем в зарпе по поволу второго бракосочетания овдовевшей, Вали. Почему, несмотря на всю трагичность финала пьесы А. Зака и И. Кузнецова «Два цвета», молодежь по окончании спектакля готова поступить так же героически, как это сделал славный комсомолец Шурик? Все дело в том, что Погодин, Арбузов, Зак и Кузнецов так увидели своих героев, жизнь, увидели — просветленными очами. Иначе они и не могли увидеть. Для них иное виденье было бы ложью перед самими собой, а значит, и перед будущим зрителем.

Иначе увидел своего Ильина, свою Тамару Александр Володин. Герои «Пяти вечеров» погружены в переживания, изолированные от крупных страстей времени. Они так заняты сами собой и при этом так несчастны... Да, у Ильина неудачно сложилась судьба. А еще более неудачно, при всем внешнем благополучии, живет Тамара. Удивительно тяжело, без любви, без какой бы то ни было перспективы. Драматург нашел психологические детали, достоверные приметы быта, — и на протяжении всего спектакля, прекрасно поставленного Г. Товстоноговым в Ленинградском Большом драматическом театре имени М. Горького, меня не покидало ощущение того, что передо мною жизнь, но такая жизнь, от которой уже нечего ждать...

Поклонники этой пьесы говорят, что она написана новаторски. В чем же тут новаторство? В бесстрастном копировании темных сторон жизни? Ведь человека ущербного, за спиной которого

стоит вереница подобных ему, — в любых разновидностях, из разных времен — такого человека, я думаю, проще изобразить в драматургии, нежели нового человека, подлинного героя нашего времени.

Изъяны души, большие ли, маленькие... Они свойственны иногда и крупному, цельному человеку. Вопрос в том, что определяет его характер — прошлое или будущее. Характеры героев володинской пьесы определяются не будущим и даже не настоящим. Они определяются прошлым. Они традиционны, их сближают с нами лишь название их профессий, бытовые детали. Их сближают с нами современные ритмы речи, хотя речь володинских персонажей носит оттенки жаргона.

Можно ли что-то утверждать лишь методом отрицания? По-видимому, да. Скорее всего — в жанре сатиры. А Володин идет к утверждению идеи в своей пьесе, показывая героев лишь со стороны неприглядной их повседневности. Он не открывает для нас их больших свершений, их надежд, связанных с надеждами всей страны, надеждами века.

Кое-кто из наших критиков пытается доказать, что, следуя за Арбузовым и Розовым, А. Володин в какой-то мере продолжает чеховские традиции. Можно ли продолжать чеховские традиции, не творчески, подражательно перенося элементы чеховской драмы в наше время? Володин не берет у Чехова умения глубоко раскрывать психологию своих героев — это не так-то просто взять! Он механически использует чеховскую повествовательность в развитии сюжета и пытается создать «чеховскую» атмосферу. Будь жив сейчас Чехов, он грустно улыбнулся бы по этому поводу. Ведь атмосфера его пьес шла от атмосферы тогдашней России, мрачной, холодной и для многих безнадежной действительности. В атмосфере наших дней герои володинской пьесы выглядят убого. Они беспомощны, как ночные бабочки, кем-то потревоженные в светлый дневной час.

А. Володин — драматург одаренный, и тем печальнее, что его дарование лишено жизнеутверждающей силы.

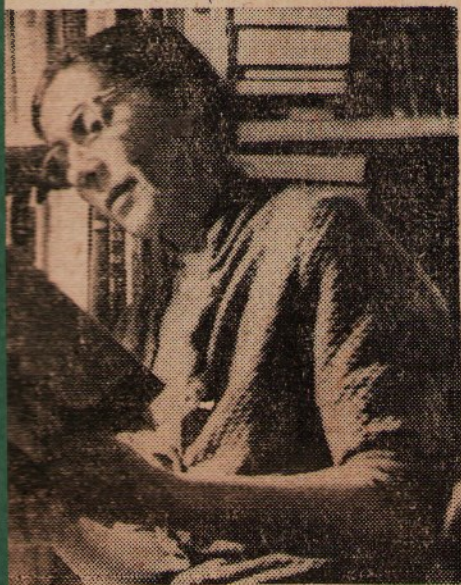
### 2.

Сейчас, как никогда, свежо воспринимается мысль Горького о герое, который прост и ясен так же, как велик, а велик потому, что непримирим и мятежен гораздо больше, чем все Дон-Кихоты и Фаусты прошлого. Советский народ пролагает новые счастливые дороги для всего человечества. Искусство наше имеет все основания определять пути развития мирового искусства. Но, право же, невозможно представить, что неудачник Ильин и серенькая Тамара могут претендовать на определяющее положение в мировой литературе как образы, созданные советской литературой.

Вопрос об общечеловеческом значении нашей драматургии встает сейчас во всей своей остроте и значительности.

С чем мы идем на зарубежную сцену, какого героя мы выводим на подмостки театров, на киноэкраны капиталистического мира, мира, где наши

(Окончание на 4-й стр.)



Прочтите — не пожалеете. Добрый совет  
важнейшим образом необходим читателям. Вот и  
Нина Праскова Васильевна Карташова как и  
Васильевна работает в библиотеке уже  
Фото М. Скурихиной